

На переломе:
современная трансформация
модели экономического роста
Китая

Екатерина Арапова, Найл Дагган

Об авторах

Арапова Екатерина Яковлевна

Директор Центра экспертизы санкционной политики, начальник Отдела академического развития Института международных исследований МГИМО МИД России

Дагган Найл

Доцент Департамента государственного управления и политики Ирландского национального университета, старший научный сотрудник Института восточноазиатской политики Рурского университета

Данный текст и другие материалы
можно найти на нашем сайте:
<http://ru.valdaiclub.com/a/valdai-papers/>

Данный текст отражает личное мнение автора или группы авторов, которое может не совпадать с позицией Клуба, если явно не указано иное.

© Фонд развития и поддержки Международного
дискуссионного клуба «Валдай», 2020

Российская Федерация, 115184, Москва,
улица Большая Татарская, дом 42

Введение

Выдающиеся экономические достижения Китая в период между началом эпохи реформ в начале 1980-х гг. и глобальным финансовым кризисом были в основном обусловлены экспортно-ориентированной моделью экономического роста, которая поддерживалась высокой производительностью трудоёмких производств, низкой заработной платой и мерами стимулирования экспорта. Воплощение этой модели достигло своего пика в 2001–2011 гг., когда доля экспорта в ВВП Китая увеличилась с 20% в 2001 г. до 36% в 2006 г.¹ Высокая ценовая конкурентоспособность китайской продукции вытеснила многих других производителей потребительских товаров (из Европы, Японии и в некоторой степени США) с зарубежных рынков, что обеспечило высокие доходы от экспорта китайским предприятиям (главным образом, государственным), которые частично реинвестировались в производственные мощности, а частично накапливались в виде международных резервов.

Глобальный финансовый кризис резко изменил глобальную среду. Экспорт в процентах от ВВП резко упал на 25% в 2011 г.² Это падение было связано с резким снижением внешнего спроса со стороны рынков Европы, Северной Америки и Японии. В период с 2001 по 2011 гг. стоимость рабочей силы в Китае увеличилась по сравнению с другими азиатскими экономиками, например, Вьетнамом, что привело к увеличению объёма китайских инвестиций в азиатские страны, обеспечивающие снижение издержек производства. Поскольку доля трудоспособного населения Китая в общей численности населения достигла пика в 2012 г., Китай столкнулся с дальнейшим ростом стоимости рабочей силы.

Резкое падение внешнего спроса выявило уязвимости традиционной модели экономического роста и её чрезвычайно высокую зависимость от глобальных условий. Избыточное предложение привело к замедлению темпов экономического роста по сравнению

¹ Базы открытых статистических данных Всемирного банка. URL: <https://data.worldbank.org/indicator/ne.exp.gnfs.zs>

² Там же.

с предыдущими двузначными показателями, снижению и выравниванию темпов накопления международных резервов, и усилению дефляционного давления. Несмотря на последующее оживление внешнего спроса, его «качество» и предпочтения потребителей изменились. Преимущества низкой стоимости уступили место инновационности и качеству производимых товаров, а также их адаптируемости к оптимизированному производству. Быстрое развитие информационных и коммуникационных технологий стимулировало спрос на услуги и сетевые товары, что привело к появлению новых вызовов, а также новых форм и инструментов глобальной конкуренции.

Стало очевидно, что экономика Китая вступила в критическую стадию развития. Ей было необходимо интегрироваться в новую реальность, диверсифицировать источники своего экономического роста, провести структурные реформы, а также найти новые инструменты и механизмы их реализации, с тем чтобы трансформироваться в более эффективную экономическую модель, основанную на знаниях и технологиях.

Основа для «беспрецедентных» экономических и социальных реформ была заложена на третьем пленуме XVIII съезда Коммунистической партии Китая (КПК). В результате был намечен всеобъемлющий план преобразований, в котором были определены стратегические приоритеты на следующие 20 лет. За пленумом последовало принятие 13-го пятилетнего плана (на 2016–2020 гг.). В нём были определены первостепенные цели (включая количественные показатели) устойчивого развития до 2020 г., дававшие старт «началу первого этапа в новой траектории реформ». Цели были поделены на несколько широких направлений³, но данная работа рассмотрит три основных элемента, которые предопределяют долгосрочную стратегическую трансформацию модели экономического роста Китая.

- Диверсификация источников экономического роста, связанная с интенсивным переходом от модели экономического роста, основанной на экспорте и инвестициях, к модели роста, основанной на потреблении.
- Расширение зарубежного инвестирования через систему внутренних стимулов, а также реализация многосторонних инициатив, обусловленных как экономическими, так и политическими факторами.
- Переход от трудоинтенсивного экономического роста за счёт накопления капитала к основанному на инновациях росту, быстрому развитию высокотехнологичных отраслей, стратегическому позиционированию в качестве «научно-технической сверхдержавы».

³ Michel A., Bai G. *China's 13th Five-Year Plan. In Pursuit of a "Moderately Prosperous Society. CEPII Policy Brief. 2016. No.12. P. 2.*

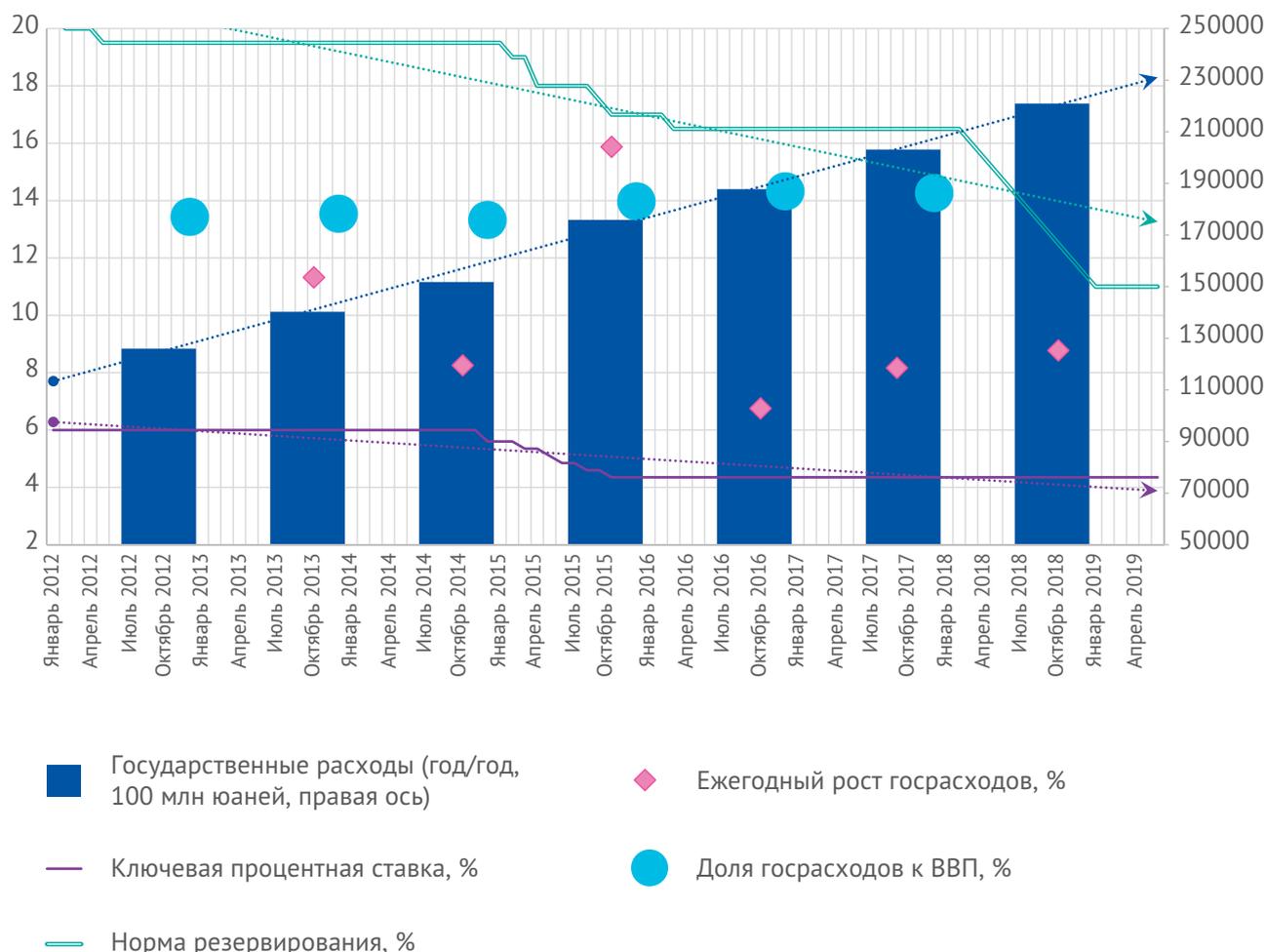
Переход к модели роста на основе потребления

Высокий уровень зависимости от внешних рынков, благодаря эффекту перелива (spillover), был основным драйвером двузначных показателей экономического роста до кризиса. Глобальный финансовый кризис 2007–2008 гг. ознаменовал начало переориентации китайской экономики с модели, ориентированной на экспорт, к модели, ориентированной на потребление. Осознавая риск модели экспортно-ориентированного экономического роста, правительство установило курс на стратегический переход к модели, основанной на потреблении, с использованием налогово-бюджетных и денежно-кредитных инструментов.

В Китае наметилась тенденция к обеспечению более высокого уровня располагаемого дохода за счёт использования налогово-бюджетных инструментов, усиления социальной защиты населения и развития системы социального обеспечения. Для стимулирования частного потребления и удовлетворения спроса на наличные средства, Народный банк Китая начал с того, что в начале 2014 г. вложил в экономику более \$42 млрд. Проведение стимулирующей налогово-бюджетной политики стало ключевым инструментом структурных преобразований в последующие годы. В 2017 и 2018 гг. Китай сократил налоги на 1,02 и 1,3 трлн юаней, соответственно. Пакет стимулирующих мер на 2019 г. составляет 2 трлн юаней и включает главным образом снижение налога на добавленную стоимость (НДС) и налога по социальному обеспечению (НСО).

Монетарные власти взяли курс на смягчение денежно-кредитной политики. Учетная ставка была снижена несколько раз в 2015 г. Народный банк несколько раз за последние годы снижал нормативы обязательных резервов для всех банков. Более того, резервные требования для небольших банков примерно на 2% ниже, чем для крупных банков. С одной стороны, политика денежно-кредитного смягчения нацелена на увеличение кредитного предложения для малого и среднего бизнеса, а также расширение доступа мелких банков к финансовым ресурсам. С другой стороны, органы денежно-кредитного регулирования заинтересованы в повышении внутреннего потребления, предоставлении более дешёвых кредитов и снижении склонности домохозяйств к сбережениям.

ТРЕНДЫ В ПОЛИТИКЕ СТИМУЛИРОВАНИЯ ПОТРЕБЛЕНИЯ, 2012–2019 гг.

Источник: составлено авторами.

Хотя развитие рынка электронной коммерции в Китае сыграл определённую роль в переходе к ориентированной на потребление экономике, оно является лишь частью более масштабного процесса реформирования китайского общества. Ключевым аспектом движения Китая к ориентированной на потребление экономике стала начавшаяся в 2000-х гг. массовая урбанизация, связанная с большими инвестициями со стороны государства и государственных предприятий в инфраструктуру и жилищное строительство. Мировой финансовый кризис подтолкнул правительство к развёртыванию внушительного пакета стимулирующих мер в размере 4 трлн юаней через банковские кредиты для китайских государственных компаний и органов местного самоуправления и к расходованию этих средств на инфраструктурные проекты.

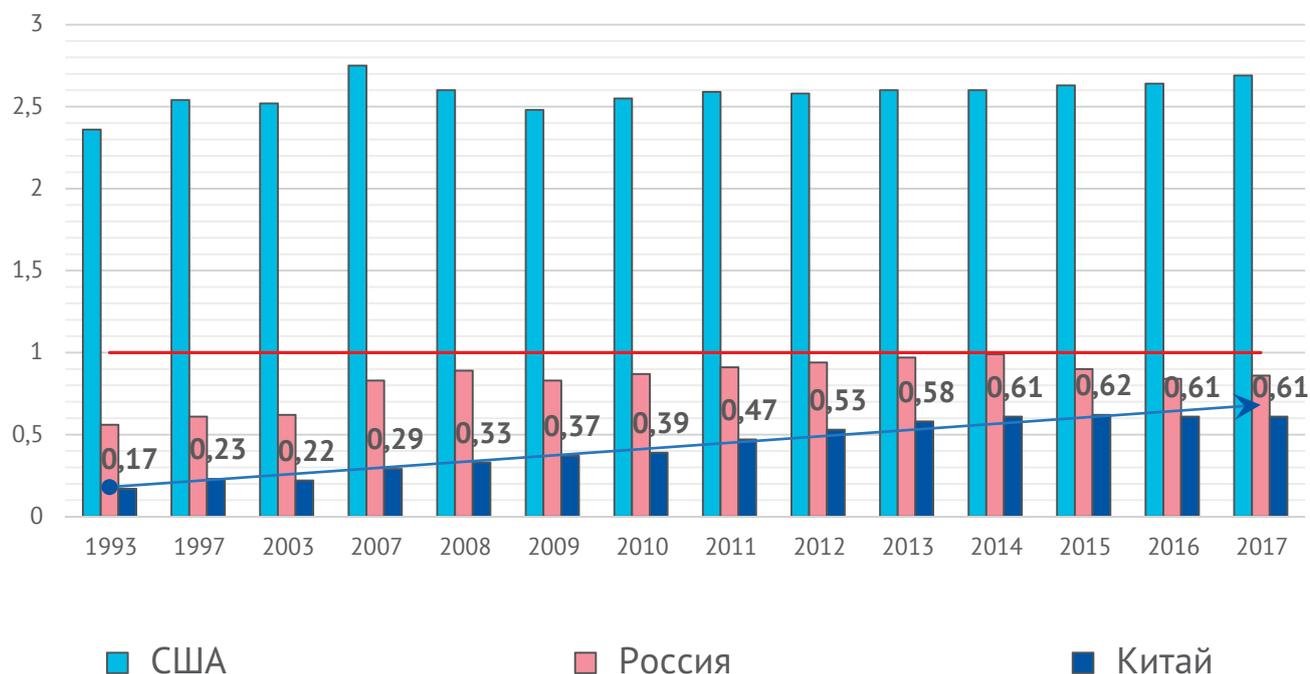
После кризиса 2007–2008 гг. общий рост китайской экономики замедлился, но потребительские расходы потеснили инвестиции, на которые приходилось 60% роста реального ВВП в период с 2001 по 2011 гг., что явилось крупнейшим фактором экономического роста. Расширение потребления как двигателя экономического развития наряду со слабым мировым спросом после кризиса 2007–2008 гг. и ростом себестоимости продукции снизило вероятность возврата к экспортно-ориентированному низко затратному производству. Таким образом, после 2011 г. Китай начал двигаться в сторону достижения уверенного и устойчивого экономического роста за счёт внутреннего потребления. Результаты политики стимулирования потребления очевидны. Доля частного потребления домохозяйств в структуре ВВП возросла с 35,5% в 2010 г. до 39,4% к концу 2018 г. Расходы на потребление обеспечили более 76% роста ВВП страны в 2018 г.

Китай всё ещё далёк от реализации своего потребительского потенциала. Индекс реализации потребительского потенциала (ИРПП)⁴ по-прежнему ниже 1, что свидетельствует о значительном недопотреблении китайских домохозяйств, которые реализуют свой потребительский потенциал всего на 62%. Тем не менее, Китай продемонстрировал в последние годы быстрый рост своего ИРПП, с 0,39 до 0,61 в течение семи лет. Быстрая урбанизация и рост среднего класса, связанные с политикой стимулирования потребления, могут стимулировать национальный спрос.

Тем не менее, переход Китая к модели роста, движимого внутренним потреблением, сдерживается имеющимися внутренними структурными дисбалансами. Китай остаётся огромной страной с высоким уровнем неравенства в доходах между группами сельского и городского населения. Кроме того, пакет стимулирующих мер привёл к образованию избыточных мощностей в строительном и жилищном секторах, а также в сфере производства стали и цемента. Для решения проблемы избыточных мощностей государство приняло ряд мер по расширению сфер потребления, в частности на жилищном и автомобильном рынках, что в конечном счете привело к их перегреву. Эти пакеты стимулирующих мер в настоящее время стали одним

⁴ Индекс реализации потребительского потенциала (ИРПП) был введён в исследовательскую терминологию Е. Араповой с целью выявления моделей потребления в каждой стране, отслеживания современных тенденций и сравнения потребительского потенциала различных региональных игроков. ИРПП – это коэффициент, выражающий соотношение реальных значений расходов конечного потребления домашних хозяйств на душу населения в стране (i) в момент времени (t) к его прогнозным значениям (рассчитываемым на основе регрессии панельных данных для группы из 78 стран за 25 лет с 1993 по 2017 гг.). Если коэффициент ниже 1, то страна недопотребляет, а расходы на потребление домашних хозяйств ниже потенциального уровня. Если коэффициент выше 1, то страна потребляет сверх меры, и её потребление выше прогнозного уровня.

ДИНАМИКА ИНДЕКСА ПОТРЕБИТЕЛЬСКОГО ПОТЕНЦИАЛА, 1993–2017 гг.

Источник: рассчитано авторами.

из основных барьеров на пути Китая к экономике, ориентированной на потребление. Они привели к накоплению большой задолженности среди китайских корпораций и домашних хозяйств. По оценкам MERICS, немецкого аналитического центра изучения Китая, «отношение корпоративного долга к ВВП, характеризующее уровень использования заёмных средств, в Китае на сегодняшний день одно из самых высоких в мире. За десятилетие показатель вырос почти на 65%, что представляет собой самый быстрый рост среди крупнейших мировых экономик»⁵.

Высокий уровень корпоративного долга повлек за собой сокращение внутрикорпоративного потребления. Поскольку китайские корпорации являются основными инвесторами и крупными потребителями, имеющаяся у них высокая задолженность приостановила рост их затрат, тем самым замедлив общий уровень расходов в Китае. На уровне домохозяйств возникла более простая проблема. В 2008–2017 гг. общий

⁵ China's High and Rising Corporate Debt. Examining Drivers and Risks // China Monitor, Mercator. Institute for China Studies. 2019. August 22. URL: <https://www.merics.org/en/china-monitor/chinas-corporate-debt>

долг нефинансового сектора, то есть государственного и корпоративного долга и задолженности домашних хозяйств, был почти вдвое выше мирового коэффициента в 242% от доли ВВП⁶. В этой связи Китай стал страной с развивающейся экономикой с одним из самых высоких уровней задолженности в мире. Таким образом, способность китайских домашних хозяйств наращивать потребление ограничена значительным увеличением их задолженности, что поэтому не позволяет Китаю полноценно развивать экономику, ориентированную на потребление.

Новые направления инвестиционной стратегии Китая

Стратегия Go Global, принятая в 1999 г., подтолкнула и побудила китайские компании к трансформации в многонациональные корпорации. Политика начала осуществляться в 2001 г., когда Китай вошёл во Всемирную торговую организацию (ВТО). В том же году к действиям в рамках этой политики подключились и китайские частные компании. Стратегия Go Global позволила правительству КНР направить усилия стратегически важных компаний – как государственных, так и частных – на овладение ресурсами, знаниями и доступом к зарубежным рынкам. Деятельность по осуществлению целей этой политики достигла высшей точки в период администрации Ху Цзиньтао (2002–2012). Основные инвестиции в этот период направлялись на то, чтобы открыть для Китая доступ к природным ресурсам, в частности к запасам энергоносителей и металлических руд. С 2005 по 2014 гг. на такого рода инвестиции приходилось до 70% всего вывозимого из Китая капитала⁷. Кроме того, инвестиции в рамках этой политики направлялись в автомобилестроительный, технологический и судостроительный сектора экономики. Регионом, получившим наибольший объём китайских капиталовложений, стала Африка⁸. Начальный период зарубежной инвестиционной деятельности в период администрации Ху Цзиньтао известен как эра политики Go Global 1.0. Позднее государственные предприятия Китая

⁶ *Ibid.*

⁷ *China Go Global. OECD. 2014. URL: <https://www.oecd.org/china/china-go-global.htm>*

⁸ *Ibid.*

обеспечили стране доступ к зарубежным рынкам в ключевой нефтегазовой сфере. Этот период считается эрой политики Go Global 2.0⁹.

При администрации Си Цзиньпина китайские инвестиции обеспечили наступление эры политики Go Global 3.0: Китай приступил к прямому инвестированию в зарубежные рынки, размещению корпоративных активов и производств за границей и приобретению (либо к поглощению) иностранных компаний и объектов инфраструктуры. Ключевое значение в этот период имело создание инновационной экономики. Стержнем эры Go Global 3.0 стал стратегический план под названием Made in China 2025¹⁰, с помощью которого правительство намеревалось модернизировать десять стратегических отраслей промышленности, в том числе робототехническую, аэрокосмическую, фармацевтическую, автомобилестроительную, информационно-технологическую и транспортную. Замысел программы состоял в преодолении ловушки среднего дохода через занятие китайскими производителями более выгодных позиций в цепочках добавленной стоимости. Стимулируя компании осуществлять капиталовложения и переводить часть своих производств за рубеж, китайское государство рассчитывало ускорить инновационные процессы в этих компаниях, которые необходимы для повышения конкурентоспособности и укрепления позиций на международных рынках.

Ещё одним ключевым аспектом эры Go Global 3.0 является реализация инициативы «Один пояс, один путь» (ОПОП), а также создание двух независимых, но одинаково подчинённых её целям инвестиционных механизмов – Фонда Шёлкового пути и Азиатского банка инфраструктурных инвестиций (АБИИ). По оценкам, масштаб капиталовложений по линии ОПОП достигает от \$1 до 8 трлн¹¹. К проекту ОПОП непосредственно присоединятся по меньшей мере 70 африканских, азиатских, европейских, латиноамериканских и карибских стран. Ещё 60 стран, в том числе Южная Корея, подписали соглашения в рамках ОПОП, хотя и не участвуют непосредственно в его осуществлении. ОПОП позволит китайскому государству оказывать прямую поддержку китайским компаниям по их закреплению

⁹ *Chinese Enterprises Enter 'Go Global' Era 4.0. The State Council of the People's Republic of China. 2016. April 11. URL: http://english.www.gov.cn/news/top_news/2016/04/11/content_281475325205328.htm*

¹⁰ *Made in China 2025. The State Council of the People's Republic of China. 2015. July 7. URL: <http://www.cittadellascienza.it/cina/wp-content/uploads/2017/02/loT-ONE-Made-in-China-2025.pdf>*

¹¹ *China's Belt and Road Initiative in the Global Trade, Investment and Finance Landscape. OECD Business and Financial Outlook. 2018. URL: <https://www.oecd.org/finance/Chinas-Belt-and-Road-Initiative-in-the-global-trade-investment-and-finance-landscape.pdf>*

на международных рынках. Кроме того, в рамках ОПОП создаются спроектированные китайцами и имеющие китайских собственников объекты инфраструктуры – железные дороги, телекоммуникационные сети и т.д., которые способствуют возникновению эффекта «перелива» тем, что обеспечивают китайским частным компаниям, уже задействованным в развитии таких сетей в КНР, относительные преимущества на всём протяжении ОПОП. Это приведёт к наступлению последнего этапа стратегии – эры Go Global 4.0, когда главным источником зарубежных инвестиций станут китайские частные предприятия. Именно китайские частные предприятия будут аккумулировать средства частных собственников как в Китае, так и на международном рынке. Эти компании будут в меньшей степени подчиняться руководящим указаниям китайского государства и начнут самостоятельно реагировать на экономические послы рынка.

Эры политики Go Global 3.0 и Go Global 4.0 при администрации Си Цзиньпина создали новые направления для внешних инвестиций, что позволяет Китаю продвигать дальше национальную экономику вверх по ценовой цепочке. Тем самым Китай рассчитывает повысить общее благосостояние китайских рабочих и создать сбалансированную экономику потребления.

Новые вызовы – исчерпание потенциала экспорто-ориентированной модели экономического роста (что привело к снижению темпов роста экономики), сдвиг в направлении модели роста, ориентированной на потребление, быстрый подъём капиталоемких секторов экономики и вытеснение ими трудоёмких отраслей промышленности, а также стратегическое самопозиционирование Китая в качестве «научно-технологической сверхдержавы» – предопределяют появление новых тенденций во внешней инвестиционной стратегии Китая. Несмотря на 17-процентное сокращение в 2018 г. объёма прямых зарубежных инвестиций (ПЗИ), вызванное валютным регулированием и ограничениями репатриации прибылей, растущим санкционным давлением и всё более строгими проверками в отношении притока иностранных инвестиций в Северной Америке и Европе, Китай по-прежнему занимает третье место в мире по объёму инвестиций после США и Японии¹².

В ответ на современные вызовы и в соответствии с собственными стратегическими приоритетами, в китайской политике в последнее время стали заметны признаки значительных изменений.

¹² *World Investment Report. Special Economic Zones. Key Messages and Overview. UNCTAD, Geneva. 2019.*

Изменения в формах капиталовложений. Китайские корпорации переходят из категории миноритарных акционеров, заинтересованных только в получении прибыли, в категорию покупателей иностранных компаний. Они наращивают свою долю участия в различных проектах, в выработке решений и используют объекты инфраструктуры для собственных первоочередных задач стратегического характера. В последние годы китайские корпорации стали одними из крупнейших инициаторов заключения мега-сделок в форме слияния и поглощения (в число самых последних примеров входят итальянская фирма Pirelli, швейцарская фирма Syngenta, офшорные предприятия испанской энергетической компании Repsol и др.).

Изменения в секторальной политике. Политика увеличения доходов (кредитно-денежное смягчение и налогово-бюджетное стимулирование) и быстрый рост уровня доходов и оплаты труда лишают Китай его традиционных конкурентных преимуществ. Как следствие, Китай больше не заинтересован в том, чтобы вкладывать средства преимущественно в производство сырьевых товаров, и начинает наращивать инвестиции в обрабатывающую промышленность и в высокотехнологичные отрасли. Более того, в последние годы существенно вырос объём ПЗИ в сферу услуг и участие в крупных инфраструктурных проектах. В 2018 г. на фоне растущей озабоченности инвестиционной экспансией Китая со стороны стран-реципиентов уровень капиталовложений в транспорт, инфраструктуру и недвижимость снизился. В то же время наблюдался значительный рост в таких отраслях, как финансовые услуги, здравоохранение и биотехнологии, производство товаров народного потребления, потребительские услуги, а также в автомобилестроении. Китай наращивает капиталовложения в относительно более высокотехнологичные проекты, в том числе связанные с развитием альтернативных видов энергии, биотехнологиями и т.д. Растёт и число приобретённых Китаем высокотехнологичных и производственных компаний. Значительно увеличился объём государственных инвестиций в стратегически важные технологии и ключевые инфраструктурные объекты.

Изменения в мотивации. Стремление получить доступ к ресурсам и высокоэффективным производствам в качестве стимула внешней инвестиционной деятельности сменяется стремлением к приобретению стратегических активов. Мотивом для принятия инвестиционных решений в китайских компаниях становится желание получить доступ к технологиям, стратегическим объектам, знаниям и навыкам, которыми эти компании не обладают. Кроме того, они нацелены на расширение сети

деловых контактов и улучшение своей деловой репутации. Стремление выхода на новые рынки сохраняет свою (хотя уже и не первостепенную) значимость, но его содержание меняется. Поскольку доля предприятий, находящихся в государственной собственности или получающих государственную поддержку, очень велика, их внешняя инвестиционная политика обусловлена не столько целями максимизации прибыли, сколько факторами экономико-стратегического и политического характера. Китай всё меньше заинтересован в снижении транспортных и торгово-операционных издержек и рассматривает внешние рынки скорее как направления экспорта китайской рабочей силы, что вызвано нарастающим социальным напряжением внутри страны¹³. Кроме того, растёт значение физического присутствия на внешнем рынке с целью воспрепятствования его захвата конкурентами.

Технологические трансформации

Третьим стратегическим приоритетом Китая является сокращение технологического отставания от развитого мира и превращение инноваций в движущую силу экономического роста. С одной стороны, достижению этой цели служит внешняя инвестиционная стратегия страны (увеличение объёма прямых инвестиций в высокотехнологичные отрасли промышленности и предприятия за рубежом). С другой стороны, осуществлению этой стратегии способствует внутренняя политика правительства.

Национальная стратегия технологического развития основывается на нескольких документах: «Основные принципы национальной среднесрочной и долгосрочной программы научно-технического развития» (2006–2020), «Пятилетний план развития науки и техники», «Стратегия Интернет+» и дорожная карта Made in China 2025. Главными средствами осуществления технологических трансформаций являются:

- масштабные государственные инвестиции в разработку технологий;

¹³ Арапова Е. Китай: международное взаимодействие в условиях внутренних вызовов // *Мировая экономика и международные отношения*. 2018. Т.62. №6. С.77–85.

- растущие государственные расходы на НИОКР в системе высшего образования и в научно-исследовательских институтах;
- стимулирование инновационного развития посредством создания зон свободной торговли;
- интенсивное развитие широкой сети международных двусторонних и многосторонних соглашений по науке и технике.

Успешное проведение Китаем политики поощрения инноваций способствовало появлению существенных изменений в направлениях и секторальной структуре технологических потоков.

Первое. Китай часто обвиняли в копировании американских технологий и бизнес-моделей (стратегия Copy-to-China). Но в последние годы эта тенденция изменила направление. По мнению экспертов, сегодня имеет смысл говорить не о Copy-to-China, а о Copy-from-China, так как теперь западные компании всё чаще «обращаются к Китаю за вдохновением», особенно в областях, связанных с интернетом¹⁴. Таким образом, Китай постепенно из потребителя иностранных технологических идей превращается в движущую силу в сфере разработки технологических инноваций.

Второе. «Китайская промышленность не только приближается к переднему краю технологического развития в традиционных отраслях, таких как электроника, производство оборудования, автомобилей, локомотивов и вагонов для высокоскоростных железных дорог, летательных аппаратов и т.д., но также становится движущей силой инновационного развития в нарождающихся сферах производства»¹⁵.

Третье. Китайские предприятия всё более успешно «создают новые комбинации компонентных технологий»¹⁶. Поскольку Китай на протяжении десятилетий был мировой «сборочной фабрикой» и ключевым элементом глобальных цепочек добавленной стоимости, в нём зародились новые виды НИОКР, создающие возможности для новых технологических комбинаций.

¹⁴ Gaus A. Chinese Tech Firms Are Increasingly Being Copied by U.S., Not Just Copying // *The Street*. 2018. June 28. URL: <https://www.thestreet.com/technology/china-not-the-world-s-tech-copycat-anymore-14636273>

¹⁵ Yanfei L. Understanding China's Technological Rise // *The Diplomat*. 2018. August 3. URL: <https://thediplomat.com/2018/08/understanding-chinas-technological-rise/>

¹⁶ *Ibid.*

Четвёртое. Китай переходит с технологического трека среднего уровня на высокотехнологичный трек. Страна уже добилась достаточно высокого уровня развития в области машиностроения и производства электроники, а также в строительстве инфраструктурных объектов и организации логистических цепочек. Теперь она приступает к развитию высокотехнологичного сектора, в рамках которого создаются «умные» и экологически чистые энергетические системы, новые энергоносители, в том числе для транспортных средств, автоматические системы управления, развиваются робототехника, передовое медицинское оборудование, биотехнологии и т.д.

Секторальные приоритеты тесно связаны с современными тенденциями на развитых рынках, а также с потенциальными вызовами и рисками, угрожающими долгосрочному устойчивому развитию Китая. Можно выделить три главных области инновационного развития:

- Сельскохозяйственные технологии выходят на первый план, так как проблема обеспечения продовольственной безопасности всё более обостряется. Положительный прирост населения и быстрый рост численности среднего класса способствует повышению спроса на сельскохозяйственные продукты. В то же время наблюдается постепенное сокращение предложения сельскохозяйственной продукции ввиду относительно более низкой производительности труда в этой сфере, высоких темпов урбанизации и ползучей деградации земель сельскохозяйственного назначения.
- Энергия – преимущественно новые и возобновляемые источники энергии (энергия солнца и ветра, биомассы, ядерного синтеза)¹⁷, передовые технологии ядерной энергии. Китай остаётся одним из крупнейших потребителей энергии в условиях всё большего истощения её традиционных источников. В 13-м пятилетнем плане¹⁸ правительства КНР официально ставится задача создания для целей устойчивого развития современной, экологически чистой, низкоуглеродной, безопасной и эффективной энергетической системы: к 2020 г. на неископаемые энергоносители должно приходиться 15% первичного потребления энергии.

¹⁷ Mendonça H.L., Macedo-Soares T.D.L. Van de A., Fonseca M.V.D.A. Working towards a Framework Based On Mission-Oriented Practices For Assessing Renewable Energy Innovation Policies // *Journal of Cleaner Production*. 2018. Vol. 193. P. 709–719.

¹⁸ China National Development and Reform Commission. *Renewable Energy Development. 13th Five-Year Plan. Volume 12. Development and Reform Energy*. Beijing, China, 2016.

- Киберпространство, включая информационные и телекоммуникационные технологии следующего поколения, большие данные и суперкомпьютеры, робототехнику и электронную торговлю: для наращивания усилий в этой области имеются как экономические, так и политические причины. Помимо того, что эти технологии и услуги, спрос на которые превышает предложение как на внутреннем, так и внешнем рынке, ожидаемо приносят достаточно большую прибыль, они становятся стратегическим средством укрепления позиций Китая в системе международных отношений. Понятие «международного статуса» постепенно изменяется: теперь этот статус определяется не просто военной или экономической мощью, а «силой мнения», позиционированием страны в информационном и цифровом пространстве.

Заключение.

Возможные последствия

1. Частное потребление будет расти, хотя оно сможет достичь своего потенциального уровня только в долгосрочной перспективе. Товарная структура частного потребления будет непрерывно меняться по мере изменения структуры питания и повышения спроса на сельскохозяйственные продукты, услуги и сетевые товары.
2. Структура национального производства будет трансформироваться в пользу высокотехнологичных и капиталоемких товаров с высокой долей добавленной стоимости и услуг (в том числе по послепродажному обслуживанию высокотехнологичного инновационного оборудования).
3. Растущее потребление и преобразование структуры производства будут стимулировать увеличение разрыва между спросом и предложением на внутреннем рынке, где будет наблюдаться рост объемов импорта. Можно ожидать повышенного спроса на следующие три типа импортных товаров:

- **Низкотехнологичная продукция**, которую ранее производил Китай (текстильные изделия, электронные товары широкого потребления, некоторые виды сырьевых товаров). Это открывает новые ниши для некоторых развивающихся стран Азии – Вьетнама, Камбоджи, Лаоса, в определённой степени Индии и т.д. Прогнозируемая тенденция – рост спроса.
 - **Высокотехнологичное оборудование**. В краткосрочной и среднесрочной перспективе выгоду от его поставки получат развитые европейские страны и некоторые страны Азии (такие как Южная Корея). Прогнозируемая долгосрочная тенденция – стагнация или спад.
 - **Сельскохозяйственные продукты** (в особенности продукты животноводства). Потенциальные бенефициары – страны, обладающие обширными территориями и высоким сельскохозяйственным потенциалом. Это – Индонезия, Камбоджа, Россия и некоторые другие постсоветские страны, а также некоторые страны Африки. Прогнозируемая тенденция – рост.
4. Снижение темпов накопления китайских домохозяйств в совокупности с ростом импорта будет способствовать уменьшению профицита платёжного баланса страны.
 5. Сокращение нынешнего профицита платёжного баланса, а также масштабные инвестиции в многосторонние инфраструктурные мега-проекты (такие как ОПОП) приведут к снижению темпов накопления золотовалютных резервов или даже к их постепенному истощению.
 6. В ближайшем будущем Китай станет основным поставщиком технологий среднего уровня развивающимся странам Азии (главным образом странам с низким уровнем доходов), а также Африки и в меньшей степени – Латинской Америки. Впрочем в долгосрочной перспективе, благодаря прогрессу в области высокотехнологичного развития, такие технологии станут для этих стран более доступными.
 7. Девальвация национальной валюты, что станет следствием быстрых капиталовложений, может открыть новые возможности китайским экспортёрам, но уже на новом уровне. Относительная дешевизна китайской продукции более высокотехнологичного разряда в долгосрочной перспективе позволит наводнить ею развивающиеся рынки (в основном африканские и в меньшей степени – латиноамериканские).

Тем не менее, удастся ли Китаю преодолеть эти вызовы и ускорить структурные преобразования, зависит от того, как он ответит на следующие вопросы:

- ? Как долго, учитывая рост бюджетного дефицита и национального долга, правительство будет проводить экспансионистскую финансово-бюджетную политику?
- ? Сможет ли его нынешняя кредитно-денежная политика обеспечить устойчивость финансового сектора? Положить конец кредитно-денежной либерализации может накопление безнадёжных долгов и опасность появления пузырей на фондовых биржах?
- ? Смогут ли власти Китая разрешить растущие противоречия трилеммы кредитно-денежной политики? Каковы шансы снятия контроля над движением капитала и/или перехода к свободному колебанию курса национальной валюты?
- ? Сможет ли правительство справиться с проблемами дисбаланса на рынке труда и растущей социальной напряжённости, ставших результатом быстрой урбанизации и перехода от трудоёмкого к капиталоемкому инновационному производству – избыток низкоквалифицированной рабочей силы, с одной стороны, и недостаток высококвалифицированных профессиональных кадров для инновационных секторов экономики – с другой?

 [ValdaiClubRu](#)

 [ValdaiClubRu](#)

 [t.me/valdaiclub](#)

 [ValdaiClub](#)

 [valdaiclubcom](#)

valdai@valdaiclub.com